

Поскольку снимки Чжоу Юньшэна были превосходными, на завершение съемок рекламы ушел всего один день. Орландо лично отвечал за редактирование. Когда он вышел из студии, его лицо покраснелось, глаза были в трансе, как будто он только что выпил бутылку вина.

"Босс, это образец, взгляните. У меня такое чувство, что этот парфюм будет действительно популярен в стране, нет, даже в мире. Я использую это и для европейских рекламных роликов".

"Можешь идти по своим делам, я посмотрю позже", - Цао Мо Кун читал документ, он даже не поднял головы, чтобы заговорить.

Орландо хотел оценить его изумленное выражение лица, но он выглядел безразличным, поэтому ему пришлось уйти в разочаровании.

После того, как остальные ушли, Цао Мо Кун немедленно встал и запер дверь своего кабинета, снял пиджак и снял галстук. Он налил себе бокал красного вина и вставил диск в компьютер.

Раздался двусмысленный голос певца:

Закрой глаза

Не бойся

Чудовище исчезло

Он в бегах, а твой папа здесь.

Красивая, красивая, красивая

Красивый мальчик

Красивая, красивая, красивая

Красивый мальчик

Перед сном

Произнесите небольшую молитву

С каждым днем во всех отношениях становится все лучше и лучше

Красивая, красивая, красивая

Красивый мальчик

Красивая, красивая, красивая

Красивый мальчик

...

("Красивый мальчик" Джона Леннона. В песне упоминается женский голос, так что, вероятно, играет кавер)

Небрежные глаза Цао Мо Куна постепенно становились все более сосредоточенными и горячими.

Когда он был в студии, он сидел боком, поэтому его обзор был ограничен, но эта реклама была снята с высоты, перспектива плюс визуальные эффекты были шокирующими.

Глаза молодого человека затуманились, щеки покраснели, потому что он был пьян, губы слегка пересохли. Он нахмурился, затем вытянул язык, чтобы лизнуть ее, и она заметно смягчилась. Но это не могло утолить его жажду, поэтому он схватил несколько лепестков и выжал, посасывая ярко-красный сок. Потом удовлетворенно вздохнул и вдруг вытер сочные руки о белую грудь.

Он был самым красивым объектом на экране, даже разноцветные лепестки бледнели в его сиянии.

На моменте "Красивый, красивый, красивый, красивый мальчик" он медленно закрыл глаза, капля слез повисла на его завитых, густых ресницах, и тихо заснул.

Экран постепенно расплывался, на экране всплыл позолоченный готический шрифт - "Экстравагантный, на вкус прекрасный".

Весь рекламный ролик не показывал флакон духов, но он мог заставить людей почувствовать запах цветов на экране, аромат сладости, завернутый в эрозию, это была захватывающая реклама.

Цао Мо Кун забыл о своем бокале вина, он пристально смотрел на экран. 60 секунд было самым длинным разрешенным рекламным временем, но он чувствовал, что это слишком мало. В мгновение ока юноша, полный волшебного очарования, исчез.

Он поспешно нажал кнопку воспроизведения, он представил, как красный рот молодого человека сосет его самого, представил, как тело молодого человека ласкает он самого, представил, как молодой человек плачет о пощаде под его телом, его ресницы покрыты хрустальными слезами.

Он использовал мальчика в рекламе, чтобы изложить свои собственные фантазии, даже без реального прикосновения он чувствовал высшее наслаждение от чувств.

Когда он вспомнил реальность, то уставился на свою промежность, его лицо помрачнело. Он быстро прошел в гостиную, чтобы принять холодный душ, затем надел халат и позвонил Ю Мэйлянь.

Чжоу Юньшэн ждал, когда АУА отправит деньги на его счет. Раньше у него никогда не было недостатка в деньгах. Теперь ему нужно было рассчитать, какую еду заказать, чтобы сбалансировать дешевизну и питание, он действительно не мог этого вынести.

Он ждал почти семь или восемь дней, за это время ему пришлось занять денег у Фан Юаня. Если Цзи Хань Юй бросит на него еще один раздражающе циничный взгляд, он этого не переживет. В конце концов он позвонил Ю Мэйлинь.

"Я не знаю, поговори об этом с господином Цао", - Ю Мэйлинь решительно отодвинул этот вопрос.

Чжоу Юньшэн не смог удержаться, ему пришлось позвонить на телефон Цао Мо Куна.

Цао Мо Кун мгновенно снял трубку, прежде чем он успел заговорить, раздался сильный сексуальный голос мужчины: "Детка, ты думал об этом?".

Чжоу Юньшэн нахмурился, он сразу перешел к делу: "Мой платеж, когда я его получу?".

"Детка, разве ты не читал контракт? В условиях говорится, что оплата может быть произведена только после показа рекламы".

"Когда она выходит в эфир?".

"Образец все еще находится на испытании, но я слышал некоторые шепотки о том, что он может быть запрещен".

"Что ты имеешь в виду, что это может быть запрещено, и тогда мне не смогут заплатить? Что это за срок?", - Чжоу Юньшэн в гневе заскрежетал зубами. Он не оказался бы в таком положении, если бы не смешался с развлекательным кругом, чтобы играть. Если бы он знал, что это произойдет раньше, он бы просто продал какое-нибудь небольшое программное обеспечение, независимо от того, насколько ленивым для него и нехарактерным для Линь Чэнцзе это было бы.

"Контракт уже подписан", - услышав учащенное сердитое дыхание мальчика, Цао Мо Кун почувствовал, как все его тело вспыхнуло. Он потянул за галстук и расстегнул первые две пуговицы на рубашке, облизнул губы и успокаивающе сказал: "Детка, не волнуйся, мы намерены выпустить рекламу на европейском и американском рынках. Когда они выйдут в эфир в Европе и Соединенных Штатах, мы тебе заплатим".

"Сколько времени потребуется, чтобы продать ее в Европе и США?", - терпеливо спросил Чжоу Юньшэн. В конце концов, это были его с трудом заработанные деньги, как он мог просто отпустить их.

"Я еще не знаю, подожди и увидишь. Дорогой, твой счет должен быть почти пуст, верно? Я слышал, что каждый день в школьной столовой ты ешь только суп из яиц и овощи. Детка, ты должен лучше заботиться о себе. Иди ко мне, я приглашу тебя на ужин. После ужина ты можешь съесть сладкий шелковый леденец на палочке".

Мужчина намеренно понизил голос на последней фразе, оставив двусмысленный привкус. Это вызвало вождление и гнев Чжоу Юньшэна.

"Можешь идти к черту!", - он повесил трубку и заскрежетал зубами.

"Какой вспыльчивый характер", - Цао Мо Кун посмотрел на заставку своего телефона, это была фотография пьяного взгляда затуманенных глаз молодого человека, он усмехнулся в пустой офис.

Когда подросток вернулся на свое место за обеденным столом, его щеки покраснелись, а глаза блеснули. Его губы надулись от гнева, это было очень мило. Цзи Хань Юй не мог удержаться и несколько раз взглянул на него, ему пришлось бороться с желанием не спросить его, что случилось.

Из-за его притворного банкротства в прошлом отношение Линь Чэнцзе к Цзи Хань Юю изменилось, хотя он никогда не относился к нему плохо, он, очевидно, потерял интерес к тому,

чтобы угодить ему. Если бы в его теле был кто-то другой, кто также знал, как будет разворачиваться сюжет, они, конечно, попытались бы успокоить Цзи Хань Юя, чтобы переломить ситуацию. Но Чжоу Юньшэн был не таким человеком.

Он никогда не любил потакать другим, он сосредоточился только на том, чтобы улучшить себя.

Пока эти двое были погружены в свои мысли, Фан Юань закончил ужин. Только Бог знает, как этот парень с 4 дюжинами рабочих мест все еще находил время, чтобы готовить все блюда.

"Сегодня блюд будет немного не хватать, подождите несколько дней, пока придет моя зарплата, я куплю целую курицу, чтобы испечь", - он улыбнулся, глядя на них, его сильное оптимистичное отношение бесконечно трогало Цзи Хань Юя. Ему не терпелось сказать ему, что ему больше не нужно работать, что он может поддержать его.

Но заговор против Линь Чэнцзе еще не достиг своего апогея, и ему пришлось сдержаться.

Цзи Хань Юй замер на несколько секунд, прежде чем потянуться за сберкнижкой. Он посмотрел на скромную цифру, на которую обычно не смотрел дважды, и его глаза медленно покраснели. Встретить кого-то, кто будет рядом с ним, несмотря ни на что, кто никогда не бросит его, когда он будет беспомощен, - это был тот тип любви, к которому он всегда стремился, и теперь он, наконец, нашел ее.

Чжоу Юньшэн взглянул на сберкнижку, он слабо открыл ее: "Какая польза от двадцати тысяч? Ты должен забрать их обратно, использовать его для себя".

Глубокая атмосфера этих двоих была прервана его холодными словами. Их диаметрально противоположные взгляды заставили глубокий гнев Цзи Хань Юя на Линь Чэнцзе стать глубже, в то время как его любовь к Фан Юань сконцентрировалась. Но он не стал бы злонамеренно вести себя с Линь Чэнцзе в присутствии Фан Юаня, вместо этого он повторил: "Ах, он прав. Эта небольшая сумма не пригодится, заberi ее обратно, я найду другой способ".

Фан Юань решительно отказался, они вдвоем толкали книгу взад и вперед, пока Цзи Хань Юй провокационно не погладил его ладонь, а затем он пошел на компромисс, покраснев. Он опустил голову и не осмеливался взглянуть на Чэнцзе.

Чжоу Юньшэн подумал, что им больше нечего сказать, и шел к своей комнате, когда услышал, как Фан Юань нерешительно открыл: "Линь Цзе... почему бы тебе не заложить дом? Это, безусловно, могло бы помочь Хань Юю".

"Не хочешь повторить?", - Чжоу Юньшэну почти хотелось выковырять собственные уши. Этот дом принадлежал Линь Чэнцзе, Фан Юань был просто его соседом по комнате, какая у него была квалификация, чтобы произнести эти слова? Пресвятая Богородица, ты никому не говорила, что родила этого гребаного святого?!

Фан Юань не мог поднять голову под его острым взглядом, Цзи Хань Юй немедленно закрыл своего любимого человека от его взгляда и повторил: "Да, Линь Цзе, ты можешь заложить дом в банк, чтобы помочь мне получить кредит для моей фабрики. Я немедленно верну тебе деньги, как только моя фабрика начнет производство".

Он знал, что Линь Чэнцзе никогда не согласится, он просто хотел смутить его. Игра с Линь Чэнцзе стала источником удовольствия в его жизни.

"Извините, этот дом нельзя заложить", - Чжоу Юньшэн переводил взгляд с одного человека на

другого, произнося каждое слово: "Вы оба знаете, что это единственная реликвия, которую оставили мне мои родители, поэтому я не буду рисковать. Если у вас не хватает денег, я придумаю способ, так что больше не волнуйтесь. Я устал, я собираюсь спать".

Он наблюдал за двумя мужчинами, пока они не кивнули, а затем, хлопнув дверью, вышел. Цзи Хань Юй подумал, что его "придумаю способ" был просто блефом, он насмешливо улыбнулся, когда ушел.

В конечном счете, спор Линь Чэнцзе и Цзи Хань Юя был в основном между королем и его наложницей. Один хотел богатства и престижа, другой - секса. Обмен был согласованным и равным. Какое право имел Хань Юй мстить Линь Чэнцзе? Они оба знали, каковы были их отношения, какое право он имел разрушать жизнь Линь Чэнцзе?

Поскольку у него не было достаточно здравого смысла, чтобы остановиться, Чжоу Юньшэн позволит ему глубоко понять, как выглядит "истинная бескорыстная любовь", он никогда не сможет справиться с этим.

Изложив свои планы, уголки его губ поднялись и он взял телефон.

"Детка, ты понял это?", - Цао Мо Кун снова мгновенно ответил на звонок.

"Да, я понял, что ты хочешь...".

Он не успел закончить, как мужчина прервал его: "Детка, давай мы поговорим наедине. Как мы можем прояснить эту сделку по телефону?".

"Ну, где ты хочешь встретиться?", - тон Чжоу Юньшэна был декадентским, но выражение его лица было немного злым, он убрал прядь выбившихся волос со лба.

"В моем частном клубе я скажу водителю забрать тебя".

"Хорошо",

Чжоу Юньшэн уже собирался повесить трубку, когда на другом конце провода прозвучала жесткая просьба: "Детка, разве я не получу прощальный поцелуй?".

"Поцелуй свою сестру, черт!", - Чжоу Юньшэн почувствовал приступ мигрени, но все равно запечатлел поцелуй на микрофоне, и в его ухе зазвучал счастливый мужской смех.

Когда он наконец повесил трубку, Чжоу Юньшэн небрежно выбрал белый свитер с черепашим воротником, накрытый пуховиком, схватил телефон и ключи и направился к выходу. В гостиной никого не было, Фан Юань был в своей спальне, а Цзи Хань Юй последовал за ним, он не знал и не заботился о том, что он делал в своей комнате.

<http://bllate.org/book/14189/1250327>